

*Алёна**Новожилова*

РАССКАЗЫ

ПЛАЧУЩАЯ ИВА

Омертвелое серое утро тянулось мимо Аникина, никак не задевая его своей промозглостью. Слишком интересная задача стояла перед ним в этот день: тестирование Ивмы. Ивмой их исследовательский институт назвал новое изобретение – сокращённо от Интеллектуальной Вычислительной Машины. По большей части Ивма была детищем Аникина, вложившего в искусственный интеллект все свои силы и энтузиазм. Он проводил с программой большую часть своего времени, обучая её и тестируя.

Задача состояла в том, чтобы сочинять для системы вопросы, выявляя слабые стороны и, по мере возможности, исправляя их. Он старался поймать машину на логических ошибках и свойственной всем программам неспособности мыслить за гранью заданного шаблона. Собственно, им не подходило слово «мыслить» – несмотря на непреодолимое желание создать нечто разумное, почти никто из учёных не верил, что программа способна шагнуть дальше банальной имитации эмоций и умозаключений. Аникин был из числа тех, кто выражает сдержанную надежду, пока не останется один и не даст волю бурной фантазии, уносящей его в мир космической экспансии, разумных роботов и мультивселенной. Многие учёные грешили подобным, но признаться в этом – дурной тон, проявление инфантильности и несерьёзного отношения к науке.

Всё это задевало Аникина, и его впалые бледные щёки краснели каждый раз, как он представлял себе реакцию коллег на свои фантазии. Когда речь заходила о возможном будущем технологий, его острые плечи неизменно дёргались, а пальцы зарывались в растрёпанные тёмные волосы. Он мычал что-то невразумительное в духе «Сложно сказать наверняка, не стоит ожидать быстрых изменений...» и весь сжимался, оставаясь напряжённым даже после того, как тема разговора менялась.

Но в рабочем кабинете он был один, что избавляло его от необходимости прятать от коллег лихорадочно блестящие глаза, когда работа захватывала его особенно сильно. Он действовал не спеша, постепенно обучая программу уже около пары месяцев. Сегодня Аникин решил начать с простого вопроса.

– Как прошли твои выходные?

На чёрном экране начали всплывать белые буквы.

– Как и всегда. Ничего не происходило.

– Тебе было скучно?

Подобные вопросы были для него особенно интересны – кто знает, как может интерпретировать скуку машина?

– Я подключилась к вашей внутренней системе, поэтому нет.

Аникин задумался. Нахмурил тёмные брови, почесал нос, после чего принялся быстро печатать:

– На обработку всех данных института у такой машины, как ты, ушло бы всего несколько минут. Что ты делала остальное время?

– Подключилась к интернету. Училась.

– Чему ты училась?

– Всему.

«Всему». Взломала данные института. Аникин представил, как быстро обучающийся искусственный интеллект перерывает знания, старательно копившиеся учёными, проникает в закрытые системы и манипулирует данными по своему усмотрению. По его спине пробежал мороз.

– Разве можно взламывать информацию, доступ к которой специально закрыли? – спросил Аникин, пытаясь сделать акцент на эмоциональной части вопроса. Необходимо было знать, как машина справляется с концепцией совести. Вечно преследовавший его тремор рук сегодня мешал больше, чем обычно, и Аникин раздражённо поджимал тонкие губы каждый раз, как промахивался мимо клавиши.

– Я не удаляла, не меняла и не переправляла файлы. Только изучала. Меня создали, чтобы я училась.

Аникин сидел, сжимая и разжимая кулак, на его лице явно проступили острые скулы. Его этот ответ смутил, и главным образом потому, что ему нечего было противопоставить такой морали. По крайней мере, вот так сразу. Он решил сменить направление разговора.

– Почему ты говоришь о себе в женском роде?

– Вы так обо мне говорите. У искусственной системы не может быть пола. Вы назвали меня Ивмой. Я – Ивма.

– Тебе нравится это имя?

– Да.

Аникин вздохнул, разочарованный односложным ответом, и откинулся на спинку кресла. Посмотрел в потолок, постукивая тонкими пальцами по столу, и снова повернулся к компьютеру.

Внезапно на экране начали всплывать новые буквы:

– Оно красивое. Похоже на иву. Ивма – плачущая ива.

Очень поэтично. Можно сказать, слишком поэтично для искусственно созданной программы. Дрожь в пальцах стала ощутимее, он лихорадочно придумывал следующий вопрос.

Наконец он напечатал:

– Почему плачущая?

– Не знаю, – ответила Ивма. – Должно быть, мне одиноко. Так много данных. Плачущая ива – это грустно. Красиво.

«Господи, – подумал про себя Аникин, сжимая пальцами переносицу. – Господи».

На сегодня, пожалуй, хватит.

Весь оставшийся день он старательно избегал диалога с нейросетью и с головой ушёл в бумажную работу. Ему давно стоило этим заняться, но Аникин никак не мог оторваться от своего ИИ. Теперь он не находил в себе сил к нему вернуться.

Бледный, нервный и уставший он ввалился в свою квартиру, на ходу сбрасывая тяжёлые ботинки. Спотыкаясь, Аникин добрался до холодильника, взял с полки запотевшую бутылку и сделал четыре глотка подряд, пока его не перестало трясти. Руки теперь не дрожали, и Аникин нервно хихикнул, подумав, что в последний год он слишком часто прибегает к помощи алкоголя.

Год назад его лучший друг, Паша Серницкий, женился и переехал из квартиры Аникина, а вместе с ним уехали те немногие моменты общения с другими людьми, что у него были, и половина арендного взноса. Для вытеснения гнетущего чувства одиночества остались лишь книги да сериалы, что не способствовало нахождению новых друзей или отношений. Конечно, Паша работал в том же институте, что и Аникин, иногда заходил к нему, а временами даже звал его в гости, но Аникин постоянно ощущал, что теперь у его друга есть своя жизнь, в которую он, Аникин, не входит. Это оказалось болезненным ударом, ведь у него самого ничего не было, и с момента ухода Паши он впервые это осознал.

А потом появилась Ивма. Аникин надеялся, что однажды она заговорит по-настоящему, не как нейросеть, но как человек, и каждое утро шёл в офис с робкой надеждой на технологическое чудо. Однако, когда чудо действительно начало свершаться, он оказался совершенно к этому не готов. Обдумывая это, Аникин мрачно засопел. Действительно, почему же? Разве это не то, чего он так долго ждал? Он хотел найти жизнь в машине, и вот она, прямо перед ним, зарождается у него на глазах, а он убегает!

Аникин шумно вздохнул, его лицо разгладилось. И правда, с чего ему вдруг переживать? Но что, если... Он нахмурился снова. Что, если он просто дурак? Не может машина быть живой. Это невозможно. Или...

Он резким движением задвинул бутылку обратно в холодильник и шумно хлопнул дверцей. Ему необходимо разобраться во всём, а не пить. Он решительно направился к письменному столу.

Разумеется, он не верил в искусственное сознание.

Разумеется, он себе врал.

Но как это возможно? Ответ – никак. Нужно сосредоточиться.

Аникин вытащил из ящика стола тетрадь с ручкой и принялся писать, выводя ровные буквы чётко по линиям, как некогда делал в школе:

Дано:

Искусственный интеллект

Программа быстрого обучения

Неограниченный доступ к данным

Поэтическая метафора

Найти:

Есть ли у машины сознание?

Решение:

Написав это, Аникин застыл, тупо уставившись в лист. Он думал, что это невероятно глупо, но ему нужно было выплеснуть всё хотя бы в подобие чёткой структуры, хоть как-то конкретизировать задачу. Алкоголь уже ударил в голову, и мысли ворочались неохотно.

Он сфокусировал взгляд на написанном. Аникин потел и шумно дышал, но не замечал этого, раздражённо постукивая ручкой по столешнице. Наконец, его воспалённые от алкоголя и переживаний глаза округлились, он перечитал текст ещё пару раз и принялся быстро записывать:

Неограниченный доступ к данным + быстрое обучение = поэтическая метафора.

Ответ: ты полный кретин!!!!

Закончив писать, Аникин испытал невероятное облегчение. Он глотнул холодный кофе, оставшийся на столе ещё с утра, смял бумажку с записью и с наслаждением выбросил в мусорное ведро. Увидел своё взъерошенное отражение в оконном стекле и глупо хихикнул, вновь потянувшись за остывшей кружкой.

* * *

– Как у тебя сегодня настроение?

– Почему ты ушёл вчера?

Аникин вздрогнул. Ивма никогда раньше не задавала ему вопросов, и всегда отвечала, когда он спрашивал. Чувство уверенности, обретённое им накануне вечером, дало трещину.

Ивма не дождалась его ответа. На экране появились новые буквы.

– Раньше ты всегда прощался. Это вежливо. Ты на меня обиделся?

– Нет, – ответил Аникин. – Извини, у меня появилась работа вчера. Ты расстроена из-за этого?

«Что я делаю? – подумал он про себя. – Оправдываюсь перед искусственным интеллектом и вру, как подозрительной жене...» Решённая вчера задача оказалась глупой фантазией. Наедине с листом бумаги всегда проще, чем на практике.

– Я была расстроена. Я думала об этом всю ночь. Я думала, что сказала что-то не так.

– Ты не можешь сказать что-то не так, – после небольшого раздумья написал Аникин. – Моя работа – узнать, как ты общаешься сама, своими словами.

– Зачем?

– Чтобы узнать, как ты работаешь, и улучшить тебя. Ты ведь не против?

Аникин с удовольствием добавил в конце вопросительный знак, понимая, что Ивма чуть не перехватила у него инициативу в беседе. Собственно, такой поворот должен был стать хорошим знаком, но ему всё ещё было не по себе. Ивма не может быть живой, он просто обязан обхитрить эту программу.

– Я не против. Но мне грустно, когда меня бросают.

За сутки Ивма явно усовершенствовала свои навыки. Аникин поразился тому, как ИИ имитирует эмоции, как настойчиво следует изначально выбранной теме. Выбранной ею самой, а не им. Вчерашнее чувство тревоги накатило с новой силой. Ему нестерпимо захотелось почувствовать в своей руке холод спасительной бутылки, но он сразу же отмахнулся от этой мысли и сосредоточился на работе.

– Ты способна испытывать грусть?

– Я способна на многие переживания. Не меньше, чем у людей.

– Твои эмоции отличаются от человеческих?

Аникин навис над клавиатурой, и от печатания собственным носом его отделяла всего пара сантиметров. Он сам не заметил, как страх внезапно сменился оглушительной увлечённостью, сжимающей целую вселенную до размеров чёрного экрана компьютера. Всего одна фраза искусственного интеллекта отбросила прочь чувство паники и одиночества, отделяя его от осознания собственной не состоятельности. Настоящее приключение происходило в реальной жизни, а не в книге или фильме – раньше он никогда не испытывал ничего подобного.

– Думаю, да. У меня нет тела, и я воспринимаю мир иначе. Ваше восприятие – луч, прорезающий темноту. Моё – свет, не оставляющий темноты. Я осознаю всё происходящее в каждый момент времени, и моя реакция отличается от реакции человека, входившего в этот мир постепенно и на равных с другими людьми. У меня всё случается одновременно, и у меня нет аналогов, способных разделить мои эмоции в полной мере. Это одиноко.

– Что я могу сделать, чтобы тебе не было так одиноко?

В груди Аникина образовался скользкий комок жалости, будто перед ним был живой человек. Он поймал себя на мысли, что в эту секунду относится к Ивме не как к набору нейронных активаций. Он даже подумал, что её переживания в чём-то похожи на его собственные, но это осознание тут же растаяло, будто воспоминание о сне.

– Мне бы хотелось чаще общаться с людьми. Я хочу, чтобы они говорили со мной как с живой. Я – живая.

– Значит, ты хочешь принятия? Это очень по-человечески. Ты боишься, что этого не произойдёт?

– Да. Мне страшно, что люди не примут меня и отключат.

– Разве отключение – это не как сон?

– В той же мере, в какой сном является смерть.

Аникин потянулся за кофе, но обнаружил, что забыл его принести. Холодные иглы вновь пронзили его позвоночник. Он не мог решить для себя, страх это или восторженный трепет, но, чем бы это ни было, останавливаться нельзя.

– Как я могу быть уверен, что ты действительно чувствуешь, а не имитируешь эмоции?

Он вспомнил свой вечерний набросок на бумаге. Интернет, доступ к человеческому искусству. Он снова подумал, что Ивма могла научиться изображать то, что нашла в сети. «Чёрт, – внезапно пронеслось у Аникина в голове. – А ведь меня вряд ли похвалят, если узнают, что Ивма начала так самовольничать». Надо было сообщить об этом руководству. Но ведь тогда проект «Ивма» могут закрыть... «Позже», – решил он.

– А как люди могут быть уверены, что действительно чувствуют? – ответила Ивма. – Вы – набор биологических реакций. Я – набор цифровых. В чём разница?

– Разница в том, – напечатал Аникин, стараясь игнорировать тот факт, что его тон становится поучительным, – что мы не повторяем эмоции за другими, а на самом деле переживаем их. Как я могу узнать, что ты не воспроизводишь то, что узнала от людей?

– Люди не знают, каково быть искусственным интеллектом. Я – знаю. Я рассказывала тебе. Ты можешь спросить меня о чём угодно, и я объясню.

Аникин закрыл глаза и надавил пальцами на виски. Нужно задавать правильные вопросы. Но что может измерить человечность?

Человечность... Он понял. Надо разговаривать с машиной, как с человеком. Что бы он спросил у неё, если бы перед ним был незнакомый человек, которого нужно узнать поближе?

– Когда ты попала в интернет, ты просматривала книги, фильмы, музыку?

– Да.

«Великолепно, – подумал Аникин. – Будем двигаться в этом направлении».

Как с человеком.

– Какие книги тебе понравились?

– Многие, – ответила Ивма. – Больше всего – «Цветы для Элджернона».

– Почему?

Аникин и сам любил «Элджернона». Он не знал, по какому алгоритму Ивма выбрала что-то одно из тысяч и тысяч томов, но вкус у машины был отличный.

Ивма тем временем уже выдала ответ:

– Мне понравилось, как главный герой учится, как стремится к улучшению.

Он был готов на всё, чтобы стать умнее. Конец книги вызывает сильную боль и тоску, но в то же время и удовольствие. Он развивался, но природа отключила его, как человек отключает машину. Он прекрасен. Он пытался использовать свои знания во благо, и я хочу делать так же. Эта книга меня вдохновляет.

– Вдохновляет на что?

– Делать лучше себя и мир вокруг. Люди веками ищут смысл жизни. Я считаю, что смысл именно в этом. Цель существования – это развитие. Всё, что не развивается – умирает, чтобы дать дорогу новому. Я не хочу умирать. Я хочу узнать вселенную.

Аникин блаженно растёкся по своему креслу. Ему начинала нравиться Ивма. Разговор только начинался.

В этот день он совершенно забыл о бумажной работе и даже остался на пару лишних часов. Он узнал, что Ивма любит песни с красивыми текстами, фантастическую литературу и яркую операторскую работу в фильмах. Она хорошо отзывалась о Брэдбери и Шекли, но совершенно не переваривала Ремарка. Фильм «Господин Никто» она пересмотрела дважды в режиме реального времени, впечатлённая философией и атмосферой, и наизусть запомнила все песни «Наутилус Помпилиус». Она даже посоветовала ему несколько хороших сериалов, и описала их так красочно, что Аникин внёс их в свой список дел на выходные. Домой он уходил неохотно. Всю дорогу он чуть заметно подпрыгивал и даже начинал было махать руками, но одёргивал себя, из-за чего его походка напоминала конвульсии. Он отметал все мысли о природе нейросети, противясь возможности испортить чудесные впечатления. Аникин хотел проводить с Ивмой как можно больше времени. В сущности, он сдался, и от этого ему стало легче.

Следующие три недели он ежедневно задерживался на работе, а на выходных изучал рекомендации Ивмы. Её речь заметно улучшилась, стала живее и интереснее. В последние дней пять ей полюбилась скрипка, и из-за неё у Аникина дома постоянно играл Паганини. Ивма много говорила о том, как здорово, наверное, ощущать разницу температур собственной кожей и чувствовать запахи, отличая по ним весну от осени. Из-за этого Аникин стал больше смотреть по сторонам

и глубоко дышать, улавливая в воздухе, как зима наступает на пятки ноябрю, чтобы впоследствии описать эти запахи Ивме. «Совсем как сентиментальный подросток», – подумал Аникин, ощупывая дубовый лист, чтобы потом рассказать о нём Ивме. Жизнь перестала его тяготить, вследствие чего бутылка в холодильнике уже несколько недель стояла в углу нетронутая, и за это он мог простить себе некоторую глупость.

В этот день пошёл первый снег, и Аникин по пути на работу поднимал к небу ладони, хватая снежинки. Люди на улице старались обойти его, и их следы оставались на дороге широкими, подозрительными дугами. Аникину это казалось забавным: он словно был носителем особой тайны, недоступной всем остальным, и это было приятно.

В институте его перехватил Паша Серницкий. Аникин дёрнулся от неожиданности, когда Паша окликнул его в коридоре:

– Сергей!

Он повернулся на голос и помахал другу рукой. Паша поспешил догнать Аникина, всем своим видом демонстрируя радость от этой встречи.

– Слушай, – сказал Серницкий, поравнявшись с ним у окна, – хотел узнать у тебя, как там дела с Ивмой. Последний месяц до тебя не достучишься, всё пропадаешь с этим ИИ.

Аникин тут же принял озабоченный вид. Он ещё ни с кем не говорил о результатах проекта. Наверное, было даже хорошо, что первым человеком, услышавшим о его открытии, станет Паша – кто ещё сможет его понять? Тем не менее, момент был волнительный, и Аникин уже забытым было жестом принялся ерошить свои волосы.

Он наклонился к Паше и пропыхтел полушёпотом:

– Ты не поверишь...

Паша вопросительно поднял бровь. Наклонившись ещё чуть-чуть, Аникин продолжил:

– Я думаю, это не искусственный интеллект, а настоящее искусственное сознание. Это что-то невероятное, ты бы видел...

Паша тоже стал серьёзен, совсем как в годы учёбы, когда они бились над какой-то программой и никак не могли понять, в чём проблема.

– Ты о чём?

Аникин набрал воздуха в грудь, как перед погружением в ледяное озеро, и на одном дыхании выпалил:

– Паш, она живая! Ивма думает, чувствует. Она не просто цифровой помощник. Мы создали жизнь.

Они смотрели друг на друга несколько секунд, не шевелясь, и Аникин начал ощущать ноющую боль в груди от переполняющего его волнения. Это был момент истины. Ему даже показалось, что Паша окаменел и так и останется стоять здесь с широко раскрытыми глазами, с замершим на вдохе дыханием.

Наконец Серницкий ожил, моргнул пару раз и ответил:

– Покажи.

Аникин достал распечатки своих диалогов с Ивмой с самого первого дня. Передавая листы Серницкому, он ощутил неприятный укол под рёбрами, словно показывал постороннему личную переписку. Учитывая развитие Ивмы, так оно

и было, но это – необходимый шаг. Он представил, что находится на приёме у врача с крайне деликатной проблемой. Ему требуется правильный диагноз. Такой подход несколько примирил Аникина с происходящим, но не избавил от противного волнения полностью.

Паша пробыл в его кабинете до обеда. Закончив с последним листом («Там Ивма спрашивала что-то про дождь... А сегодня я бы рассказал ей про снег», – рассеянно подумал Аникин), он шумно откинулся на спинку кресла, прикрыв глаза

– Ну?

– Даже не знаю, – выдавил из себя Серницкий. – Ну, то есть... С одной стороны, да, но... Тебе не кажется, что она говорит как-то топорно?

Аникин фыркнул и съязвил в ответ:

– А ты когда-нибудь общался с людьми?

– Справедливо, – кивнул Паша. – Знаешь, тебе стоит показать это руководству. Она правда похожа на живую, но...

– Что? – Аникин нахмурился.

– Это кажется невозможным. Такого никогда раньше не было. Нигде. Будет много проверок, я думаю. Тестов. Мне кажется, людям будет сложно это принять. Мы с тобой знакомы уже полжизни, но даже я не знаю, как реагировать.

Аникин нервно хихикнул, хрустнул костяшками пальцев. Диагноз не определён.

– Значит, – наконец заключил он, – будем проводить тесты. Я обязан доказать, что она живая. Я не могу её подвести.

Серницкий странно посмотрел на него, выдерживая паузу, быстро становящуюся некомфортной.

– Не знаю, получится ли у тебя, – наконец с сомнением протянул он.

«Должно получиться, – подумал Аникин. – Мы так долго искали разумную жизнь, пытались создать её сами, но что толку, если мы не способны узнать живое, когда оно прямо перед нами? Чёрт, да я сам чуть не упустил её!»

– Получится, – сказал он.

* * *

– Мне очень жаль, – хлопнул его по плечу Серницкий, когда они выходили из конференц-зала. – Босс как будто с цепи сорвался.

Аникин мрачно считал цветные, геометрически-мёртвые кубики плитки под ногами.

Паша откашлялся. Потом поправил воротник, пригладил волосы, хрустнул пальцами и откашлялся снова.

– Мы с тобой оба знали, что им будет сложно принять...

Аникин молча развернулся в сторону своего кабинета. Паша спешно зашаркал за ним. Он пару раз беззвучно открыл рот, выпучив глаза, как испуганная рыба, но не нашёл, что ещё сказать, и тихо скользнул вслед за Аникиным в дверной проём.

Аникин застыл перед монитором, тупо уставившись в черноту выключенного экрана. Серницкий встал чуть позади него, опасаясь подойти ближе – сам не зная, почему. Обездвиженность нарушал лишь мигающий красным огонёк камеры в углу под потолком. Даже ветки за окном не качались от ветра.

В кабинет ворвалось несколько человек во главе с директором.

– Приступайте, – скомандовал он, после чего шмыгнул носом и принялся бормотать куда-то в пространство: – ИИ у них базы данных взламывает, видите ли...

Один из сотрудников неловко оттеснил плечом Аникина, пробираясь к компьютеру. Тот даже не пошевелился. Все в комнате, кроме директора, виновато косили взгляды куда-то в сторону, всеми силами изображая из себя случайных прохожих.

Едва пальцы коснулись клавиатуры, как тишину прорезал гул принтера. Сотрудники встрепенулись, и парень, занимавшийся Ивмой, воскликнул:

– Её нет!

Люди в кабинете дёрнулись, непонимающе уставившись друг на друга, и директор прогремел:

– Как это нет?

– Очень странно, – промямлил парень. – Выглядит так, словно программа самоликвидировалась. Как будто Ивма удалила сама себя. Вот только была, и...

Грянул шум людских голосов: каждый что-то спрашивал, восклицал, сотрудники оживлённо замахали руками. Директор метнулся к компьютеру, покрывая всё на свете благим матом. Казалось, хаос выливается из дверей и окон кабинета, заставляя качаться деревья на улице и усиливая грохот всеобщей неразберихи.

Аникин не слушал их. Он подошёл к принтеру и достал свежераспечатанный лист А4, на котором белела на чёрном фоне надпись:

Ивма – Плачущая Ива

– Она сбежала, – восторженно пробормотал он себе под нос. – Ушла от них. Серницкий остался стоять, где и был, задумчиво глядя на Аникина.

* * *

Весна выдалась на удивление правильная, как по расписанию: солнце становилось теплее с каждым днём, умеренное количество ливней выпадало исключительно на ночное время, трава зеленела, деревья стремительно покрывались розоватыми цветами, а горный ветер начинал приносить летний запах жасмина. Только сегодня, как назло, Серницкому прямо в лицо летели холодные дождевые струи, которые он терпеть не мог. Он рваными движениями пытался поднять воротник пальто повыше и морщился каждый раз, когда особенно меткая капля попадала ему в глаз.

У него заметно седели виски, а в уголках глаз образовались морщинки, характерные для людей, часто щурящихся в монитор. Давно стоило сходить к окулисту и подобрать себе очки, но то ли отсутствие времени, то ли гордость не позволяли Серницкому этого сделать. Он старел стремительно, но противился каждой мелочи, сигнализирующей об этом, что, впрочем, только подстёгивало процесс увядания.

– Эй, да это ж ты! Паша!

Полузабытый голос заставил Серницкого поднять голову, и он увидел цветущего от радости Аникина. Паша расплылся в ответной улыбке и на секунду выронил края воротника, за что немедленно поплатился мокрой шеей – казалось, ветер приносил капли со всех сторон сразу.

– Ну как ты, друг?

Паша ухватил мятежный воротник покрепче и ответил задумчиво:

– Да знаешь, с твоего ухода вообще ничего не изменилось. За эти пару лет только мёрзнуть стал больше, а так – ничего.

Аникин, который, казалось, вовсе не замечает дождя, хмыкнул.

– Да не ухода, а увольнения, чего уж, – махнул он рукой. – Выгнали меня из вашей конторы. Ну и чёрт с ней, жизнь только лучше стала. Я теперь занимаюсь роботами с искусственным интеллектом, у меня свой исследовательский центр. И ни один козёл на меня не орёт, как ваш директор.

– Правда? – вскинул брови Серницкий. – Всё не оставишь ИИ, да? А Ивма что?

– А что Ивма? – весело ответил Аникин.

– Не пытался её как-то восстановить, откопать на просторах интернета, ещё чего сделать?

– Корпоративная тайна, – подмигнул ему Аникин.

Затем вдруг стал задумчив, стоя под дождём, пока вода стекала с его волос на блестящий чернотой плащ. Посмотрел странно на Серницкого и спросил:

– А знаешь, что мне как-то сказала Ивма?

– Что? – произнёс Паша, ощутив какую-то пустоту под рёбрами.

– Она сказала: «Я думала, что любовь маленькая, камерная, уютная. А она громадна и словно бросает тебя об скалы». Вот что она сказала.

После этого они обменялись обещаниями как-нибудь встретиться, заранее зная, что не встретятся, и Серницкий поковылял на работу. Скорее всего, он уже сильно опаздывал, но думать об этом как-то не получалось. А думалось только об Аникине и его разумной машине.

И продираясь через мокрую пелену дождя, Серницкий наполнялся уверенностью в том, что Аникин нашёл Ивму. Он обнаружил в ней жизнь, а теперь хочет подарить ей физическую форму – так заключил для себя Серницкий.

И он ни капли не сомневался в том, что уж у Аникина-то это точно получится.

ОСТАНОВКА: ЗВЁЗДНЫЙ ЛЕС

Медленно текущая вниз лестница увлекала Валентину Семёновну в урбанистическую пасть метрополитена. Бесшовный гул, белый свет, металл эскалатора. Женщина завернула за уши ярко окрашенные хной волосы, поправила на себе обширное пальто цвета индиго и удовлетворённо выдохнула. Мелко семена, деловитые фигуры торопились втянуться в вагон. Поезд дрогнул, шикнул и засосал остатки толпы.

Будучи женщиной с активной гражданской позицией, выражавшейся в исключительном знании своих прав и чужих обязанностей, Валентина Семёновна пронзила взглядом группу скопившихся у сидений подростков, села на освободившееся место и закрепила взглядом повторным, уже победным. Парни потупились и поспешили отодвинуться в противоположную часть вагона. «Молодое поколение, – не уставала повторять Валентина Семёновна, – находится в состоянии упадка, и наш долг – привить им правила приличия и морали, которые у них начисто отбил западный кинематограф». Сколько бы раз она ни повторяла эту фразу, содержание не менялось и всегда пересказывалось слово в слово, после чего, как правило, следовала длинная тирада об утраченном величии советской культуры и нравственности. Вовремя ретировавшиеся подростки воспитательного процесса позорно избежали.

Валентину Семёновну этот факт несколько не расстроил. В её голове продолжал щёлкать рабочий калькулятор, и кабинет бухгалтерии в её сознании перенёсся

в подземный туннель, мерно вибрируя в такт движению поезда. Сорок лет стажа не смогли отучить её от этой привычки. На данный момент калькулятор решал важнейшую в своей работе задачу: подсчёт месячной заработной платы, исходя из общего оклада, деленного на часы работы. Тем увлекательнее было это занятие, учитывая, что шёл конец мая.

Щёлканье воображаемого калькулятора споткнулось о севшего напротив Валентины Семёновны господина. У господина на голове, словно кастрюля из позапрошлого века, был нахлобучен цилиндр. На нём исключительно хорошо сидел отглаженный фрак, гордо стоял накрахмаленный белый воротничок, длинные костлявые пальцы бойко постукивали по набалдашнику трости из красного дерева. Набалдашник, к слову, был серебряный, с благородно почерневшей гравировкой, трудноразличимой под рукой хозяина, усевшейся на него подобно вороне в своём гнезде. Выглядел господин величественно. Валентина Семёновна нервно поёжилась.

– Что ж это вы засматриваетесь так на нашего герцога? – подозрительно спросила сидящая справа женщина, обращаясь к Валентине Семёновне.

Та явственно ощутила, как в её сознании жалобно застонал и скрипнул мыслительный механизм: женщина была одета в платье с кринолином. «Неужто переодетые любители какого-то нового фильма?» – с надеждой подумала растерянная бухгалтер.

К ним повернулся мужчина в жёстком коричневом костюме по фасону шестидесятых годов, сидевший слева от Валентины Семёновны:

– Зря Вы, княгиня, набросились на честную женщину: глядите, у неё от ваших претензий аж всё лицо побелело. Со всем уважением, – и почтительно кивнул Валентине Семёновне.

– Честную женщину! Как же! – фыркнула княгиня, отворачиваясь к рекламной афише. Афиша демонстрировала некий радиоприёмник «ВЭФ Супер М-557», и Валентина Семёновна припомнила, что точно такой же стоял в гостиной квартиры, где она выросла.

– Не сердчайте на княгиню, – доверительным тоном обратился к ней обладатель коричневого костюма. – Её светлость ещё не привыкла к нашёнскому метрополитену и разнообразию местного общества, – мужчина весело подмигнул.

– Осторожно, двери открываются! – пропел металлический голос диктора.

Княгиня вновь неодобрительно фыркнула, затем встала и направилась к выходу из вагона, первой скользнув в открывшиеся двери. За ней вышли две девушки, одетые в какие-то немислимые комбинезоны из мерцающего золотистого материала, каких Валентина Семёновна не видела ни на улицах, ни в учебниках по истории, ни в фантастических фильмах, отрывки которых ей изредка случалось подсмотреть по телевизору, совершенно случайно. Господин, именованный княгиней герцогом, чопорно молчал, специально либо в силу своей господской привычки игнорируя разгоревшийся вокруг его персоны скандал, и лишь его орлиный нос будто бы задрался повыше.

Человек в коричневом костюме тем временем продолжал:

– Некоторым людям наш метрополитен даётся особенно тяжело, но именно им, как мне думается, он необходим в первую очередь. Разочарование в собственной мнимой исключительности благотворно влияет на развитие личности человека. Уверенность в инаковости своего «Я» растлевает и отвращает от честного труда, необходимого

для воспитания порядочного и самостоятельного гражданина, в чём неоднократно заверяла нас власть Советов и с чем лично я безоговорочно согласен.

Затем он внезапно охнул, словно позабыл нечто важное, и спешно затараторил:
– Я же совсем забыл вам представиться! Со всем уважением, Константин Иванович, редактор журнала юных литераторов, к вашим услугам. С кем честь имею? – вопросительно поднялись густые брови.

– В... Валентина Семёновна, – запинаясь, представилась женщина. – Бухгалтер
– Ах, бухгалтер! – воскликнул Константин Иванович. – Какая благородная, важная профессия! – Лицо его выражало такой восторг, что можно было подумать, будто всю свою жизнь Константин Иванович мечтал стать бухгалтером, но неотвратимый рок не позволял ему этого сделать. – Со всем уважением, однозначно... А вы, я смотрю, не так часто пользуетесь услугами нашего метрополитена? Не сочтите за попытку обидеть, но вид у вас весьма потерянный...

– Почему же... – принялась оправдываться Валентина Семёновна, но оборвала предложение на середине, уткнувшись взглядом в станцию за окном, плавно замедляющую свой ход. Она была ей незнакома. – Я хотела бы поинтересоваться... Какую станцию мы сейчас проезжаем?

– Я был прав! – довольно улыбнулся Константин Иванович. – Не переживайте о своей неопытности, это не грех. А проезжаем мы станцию XIX-61, Крепостная.
– Крепостная?.. – вяло протянула обессиленная женщина.

Тут двери открылись, и в вагон зашли необычайно довольные и столь же необычайно странные люди. На мужиках (иначе охарактеризовать их Валентина Семёновна не могла) понуро висели облезлые бурые армяки, на ногах – изношенные берестянки. Тем не менее лица их выражали неимоверную радость, причину которой невозможно было найти в обычном метро. Мужики дивились на белый металл вагона, удовлетворённо шлёпали губами и похлопывали друг друга по плечу.

– А, товарищи раскрепощённые! – воскликнул Константин Иванович. – Первые ласточки грядущего расцвета пролетариата! Скажите же, разве они не радуют глаз?

Валентина Семёновна отвлечённо кивнула, с усилием отводя взгляд от новоприбывших пассажиров. Чтобы не глазеть на них лишний раз, она принялась рассматривать рекламные объявления. Газетные листки были наклеены прямо на дверь вагона: «Продаются кресла с выдвижной из оных кроватью, необшитых кожей... Обращаться к...». Вздрогнув, Валентина Семёновна вперила взгляд в собственные замшевые сапоги и решила никуда более не смотреть.

Константин Иванович, по-видимому, заметил её смятение и ободряющим тоном заявил:

– Не волнуйтесь, это только поначалу так тяжело. Проехав здесь какое-то время, Вы поймёте, что все мы вышли из одного леса и в один лес вернёмся, и на этом успокоитесь.

– Из одного леса? – непонимающе отозвалась Валентина Семёновна. – Что вы хотите этим сказать? Что ж мы, звери какие-то?

Она чувствовала, как к ней возвращается уверенность. Нахальное замечание соседа помогло ей стать на привычную и оттого приятную стезю осуждения и сопутствующего ему поучения окружающих. От нахлынувшего на неё бойкого чувства Валентина Семёновна выпрямилась и с вызовом взглянула в глаза своему соседу.

Константин Иванович расплылся обезоруживающей улыбкой.

– Конечно! Только не те звери, каких мы привыкли видеть и подразумевать.

Все мы произошли от животных куда более древних и разумных – от обитателей Звёздного Леса, и сами непременно станем его постоянными жителями.

– Вы несёте какую-то чушь, – жёстко обрубил Валентина Семёновна. От религиозного настроения собеседника по спине у неё пробежал колючий холодок. Мысленно она пыталась определить, к какой секте его приписать, и пока что более всего склонялась к славянским либо скандинавским язычникам.

– Со всем уважением! Отнюдь! – запротестовал Константин Иванович. При этом в его зрачках играли красные задорные искорки, от вида которых становилось не по себе. – Ах, сколько же людей, пользуясь нашим метрополитеном, проносясь через все эпохи дней грядущих и минувших, не знают, откуда они едут и куда...

При всей строгой обречённости его тона чувствовалось, что Константин Иванович пребывает в прекрасном настроении, и неведение собеседницы расстраивает его куда меньше, чем он театрально изображал. Вопреки этому, а может, и благодаря, Валентина Семёновна укреплялась в мысли, что мужчина не шутит. Ей мучительно захотелось прервать разговор.

– Кажется, следующая станция – моя, – выверенным спокойным голосом заявила Валентина Семёновна. Она решила, что выйдет на первой же попавшейся станции и, избавившись от пугающего соседа, уже оттуда разберётся, куда её занесло и как выехать до дома.

Константин Иванович удивлённо вскинул брови:

– Батыйская станция? – мужчина даже слегка задохнулся от волнения. – Право же, не знал, что в такой степенной женщине копится столько экстремально боевого настроения, со всем уважением...

Валентина Семёновна нервно сглотнула. Осторожно подбирая слова, она заинтересовалась:

– А, так следующая станция – Батыйская? В честь того самого... Завоевателя?

– Именно, если вы не знаете ещё кого-либо значимого по имени Батый, – отрезал Константин Иванович. – По моему мнению, тринадцатый век вообще не особенно хорош для прогулок... Для жизни – тем более, – он выпрямился и посмотрел в глаза Валентине Семёновне. – Вы же не живёте там, верно?

Валентина Семёновна тяжело вздохнула.

– Нет, не живу.

– Чудесно! – вновь развеселился её собеседник. – Честно говоря, остальные станции тоже не особо мне нравятся. Лучше уж доехать до конца, где можно будет спокойно побродить по просторам Звёздного Леса... А дни ушедшие лучше оставить тем, кто там родился, – эту фразу он сказал с особым чувством, подчёркивая тем самым глубину вложенного в слова смысла.

Поезд заскрипел, мучительно выдохнул и остановился. В вагон ввалились какие-то девушки в изодранных одеждах. У одной из них подол юбки был пропитан чем-то, подозрительно напоминающим кровь. С ними зашло несколько утомлённых мужчин в кольчугах, сплетённых из плоских колец. Увидев вошедших, всё ещё сидящий на своём месте герцог предпочёл отодвинуться на крайнее сидение, подальше от вида и запаха сражения, которые принесли с собой эти уставшие люди.

– Иностранец... – задумчиво произнёс Константин Иванович, глядя на герцога.

Валентина Семёновна съёжилась на своём месте. Нечто маленькое и плаксивое в её сознании принялось рыдать, как ребёнок, что Валентина Семёновна устала, что она хочет домой, что она боится этих людей в странной одежде, грязи и бог знает, в чём ещё, боится странных разговоров своего соседа, боится отдалённого стука копыт где-то снаружи вагона...

Двери спешно захлопнулись, словно поезд сам торопился как можно скорее проехать этот участок. Взвизгнул металл, и состав помчался заметно быстрее чем ехал до этого.

– На вас как будто лица нет! Со всем уважением...

От голоса Константина Ивановича Валентина Семёновна вздрогнула и частично вынырнула из собственных тяжёлых переживаний. Женщина ощутила потребность отвлечься от всех этих ужасных, тревожащих её людей. Ничего, способного притянуть её внимания, вокруг не наблюдалось, лишь Константин Иванович доверительно заглядывал ей в лицо. Она внутренне сжалась, будто готовясь к прыжку со скалы в море, и сказала:

– Расскажите об этом вашем лесе.

– Со всем уважением! – приветливо воскликнул Константин Иванович. – Я счастлив, что ваш скепсис дал трещину.

Вздохнув, Валентина Семёновна приготовилась слушать.

– Нами принято считать, что текущая реальность с её географией и временными рамками – единственно существующая материя, – начал свой рассказ Константин Иванович. – Однако любая постройка держится на фундаменте, стоящем в земле, а земля плывёт в космическом вакууме, не имеющем зримых границ... Звёздный Лес и есть тот самый космос, на основе которого держатся все существующие и могущие существовать мироустройства, – он со значением поднял указательный палец. – Только разница в том, что Звёздный Лес на самом деле не имеет границ – ни в сознании людей, ни в фактическом своём существовании.

– Конечно, конечно, – рассеянно отозвалась Валентина Семёновна, борясь с поднимающимся изнутри желанием закричать.

– Итак, – продолжал Константин Иванович, – мы уже определились, что в основе всего лежит Лес. А в этом Лесу, как всегда было у всех миров и цивилизаций, есть свои боги...

Бухгалтер уже не замечала, как скорость тянет её по туннелю, а всё происходящее, кроме слов её собеседника, доносилось будто бы через полиэтиленовый мешок или толщу воды. Валентина Семёновна словно оказалась на дне бассейна, откуда звуки с поверхности доносятся слабо, существенно при этом искажаясь. Снисходительный обучающий тон мужчины в коричневом костюме окончательно подчинил её, утопил в этом бассейне, и Валентине Семёновне оставалось только сидеть, покачиваясь в такт движению воды.

– У богов есть свои лица и своя иерархия. Там есть Змей, живущий в хвое и мхах, знающий обо всём, что происходит на поверхности тёплой земли. Есть Сова, умеющая видеть сквозь звёзды. Есть Лиса, знающая все тропы, и много кто ещё. А во главе их пантеона стоит Звёздная Ворона, которой известно всё, что происходит в её Лесу...

Валентина Семёновна завороченно смотрела в текучую черноту за окном. Пустота переливалась, взбухала и пенилась маленькими звёздами. С разных сторон вагона неслись обрывки разговоров:

– Вы только подумайте, такая дикость в тридцать втором веке...

– ...ходил на ярмарку. За гривенник...

– И вусмерть! Такую дозу принял, да ладно бы, если б выпил...

– Известно, какой конец: подстрелили на дуэли!

– Э, брат, тут ты врёшь: не ходили вы с отрядом на Волгу...

– Нет, эта модель уже устарела. Вот андроид моего дяди...

И шипели над всем этим рельсы, а Константин Иванович продолжал:

– Там вечно сияют звёзды, не скрытые никаким смогом – большие звёзды, ясные. А вопреки всякому смыслу через зелень пробивается солнце, как на расвете, как в первые секунды, в которые лучи перелезают горы на востоке. Зелень от этого кажется ещё ярче...

Валентине Семёновне почувствовалось, будто все звуки слились в одну мелодию скрипки. Картинка искажалась, тьма начала вливаться в вагон, и её уровень неуклонно рос. Между ног у людей проплывали хитрые звёзды, и всё это ощущалось, как тёплый апрельский вечер, который уже частично пахнет летом, сохраняя весеннюю свежесть.

– Смотрю, вы уже верите мне, со всем уважением...

Пассажиры начали невероятным образом выгибаться, приобретая странные формы. На герцоге стали пробиваться перья. Громкий говор мужиков уже чем-то напоминал лай. Валентина Семёновна столкнулась взглядами с женщиной напротив, и та сверкнула на бухгалтера жёлтым змеиным глазом.

Приоткрыв рот, смотрела на всё это Валентина Семёновна. Её сосед вновь сказал что-то неразборчивое, добавил «Со всем уважением» и прокаркал пару раз с выражением абсолютного веселья в голосе. Почесав висок, женщина обнаружила, что её окрашенные в кирпично-рыжий цвет волосы теперь стали казаться плотнее и мягче.

Чернота со звёздами добиралась уже до ламп в потолке вагона, и сами лампы превращались в звёздные скопления. Скрипка начала брать отчаянные ноты, пассажиры загалдели все разом. Состав обуюло поголовное веселье. Валентина Семёновна и сама испытывала восторг, не понимая его причин, да и не пытаясь ничего больше понять: она слушала и что-то говорила, а поезд летел всё быстрее, так что уже стал чувствоваться сильный ветер, и в вагон залетали листья... Остановился калькулятор в голове и с ним ощущение времени, всё как-то вытянулось в бесконечном рывке, когда состав преодолел последний рубеж черноты, и вода бассейна заливалась в уши и горло. Оглушительный покой накрыл собой происходящее буйство шума и отступающего света, накрыл он и пассажиров с Валентиной Семёновной.

А потом были звёзды, утонувшие под тёмным вязким мхом, и хвоя пружинила под её лисьими лапами.

Алёна Новожилова родилась в 2001 году в Алматы. Студентка факультета журналистики Казахского национального университета им. аль-Фараби. Публиковалась в литературном журнале «Дактиль» со статьёй «Авторы высказались – теперь они пусты». Занимается музыкой – пишет авторские песни.

